

Борис Савинков

Конь бледный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С13

Савинков Б.
С13 Конь бледный / Борис Савинков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 118 с.

ISBN 978-5-4241-2135-7

"Какой-то Ропшин написал книжечку, назвал ее "Конь бледный", да еще и напечатан этот "Конь" давным давно, в 1909 году. Да стоит ли читать?" -- может сказать человек, взяв в руки эту книгу.

Но если он узнает, что под псевдонимом Ропшин скрывается знаменитый

Савинков, террорист Савинков, -- появится интерес. Человек начнет читать ...

и не пожалеет об этом.

ISBN 978-5-4241-2135-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Борис Савинков (В.Ропшин)
Конь бледный

... И вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...

Откр. 6, 8.

Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, ибо тьма ослепила ему глаза.

Иоан. 12, 11.

6 марта.

Вчера вечером я приехал в Москву. Она все та же. Горят кресты на церквах, визжат по снегу полозья. По утрам мороз, узоры на окнах, и у Страстного монастыря звонят к обедне. Я люблю Москву. Она мне родная.

У меня паспорт с красной печатью английского короля и с подписью лорда Ландсдоуна. В нем сказано, что я, великобританский подданный Джордж О'Бриен, отправляюсь в путешествие по Турции и России. В русских участках ставят штамп «турист».

В гостинице все знакомо до скуки: швейцар в синей поддевке, золоченые зеркала, ковры. В моем номере потертый диван, пыльные занавески. Под столом три кило динамита. Я привез их с собою из-за границы. Динамит сильно пахнет аптекой и у меня по ночам болит голова.

Я сегодня пойду по Москве. На бульварах темно, мелкий снег. Где-то поют куранты. Я один, ни души. Передо мною мирная жизнь, забыты люди. А в сердце святые слова:

«Я дам тебе звезду утреннюю».

8 марта.

У Эрны голубые глаза и тяжелые косы. Она робко жметесь ко мне и говорит:

— Ведь ты меня любишь немножко? Когда-то, давно, она отдалась мне, как королева: не требуя ничего и ни на что не надеясь. А теперь, как нищенка, просит любви. Я смотрю в окно на белую площадь. Я говорю:

— Посмотри, какой нетронутый снег. Она опускает голову и молчит. Тогда я говорю:

— Я вчера был в Сокольниках. Там снег еще чище. Он розовый. И синие тени берез. Я читаю в ее глазах:

— Ты был без меня.

Послушай, — говорю я опять, — ты была когда-нибудь в русской деревне?

Она отвечает:

—Нет.

— Ну, так ранней весной, когда на полях уже зеленеет трава и в лесу зацветает подснежник, по оврагам лежит еще снег. И странно: белый снег и белый цветок. Ты не видела? Нет? Ты не поняла? Нет?

И она шепчет:

—Нет.

А я думаю об Елене.

9 марта.

Генерал-губернатор живет у себя во дворце. Кругом шпионы и часовые. Двойная ограда штыков и нескромных взглядов.

Нас немного: пять человек. Федор, Ваня и Генрих — извозчики. Они непрерывно следят за ним и сообщают мне свои наблюдения. Эрна химик. Она готовит снаряды.

У себя за столом я по плану черчу пути. Я пытаюсь воскресить его жизнь. В залах дворца мы вместе встречаем гостей. Вместе гуляем в саду, за решеткой. Вместе прячемся по ночам. Вместе молимся Богу.

Я его видел сегодня. Я ждал его на Тверской. Я долго бродил по замерзшему тротуару. Падal вечер, был сильный мороз. Я уже потерял надежду. Вдруг на углу пристав махнул перчаткой. Городовые вытянулись во фронт, сыщики замесались. Улица замерла.

Мимо мчалась карета. Черные кони. Кучер с рыжею бородою. Ручка дверец изгибом, желтые спицы колес. Следом сани, — охрана.

В быстром беге я едва различил его. Он не увидел меня: я был для него улицей. Счастливый, медленно я вернулся домой.

10 марта.

Когда я думаю о нем, у меня нет ни ненависти, ни злобы. У меня нет и жалости. Я равнодушен к нему. Но я хочу его смерти. Я знаю: его необходимо убить. Необходимо для террора и революции. Я верю, что сила ломит солому, не верю в слова. Если бы я мог, я бы убил всех начальников и правителей. Я не хочу быть рабом. Я не хочу, чтобы были рабы.

Говорят, нельзя убивать. Говорят еще, что министра можно убить, а революционера нельзя. Говорят и наоборот.

Я не знаю, почему нельзя убивать. И я не пойму никогда, почему убить во имя свободы хорошо, а во имя самодержавия дурно.

Помню, — я был в первый раз на охоте. Краснели поля гречихи, падала паутина, молчал лес. Я стоял на опушке, у изрытой дождем дороги. Иногда шептались березы, пролетали желтые листья. Я ждал. Вдруг непривычно колыхнулась трава. Маленьким серым комочком из кустов выбежал заяц и осторожно присел на задние лапки. Озирался кругом. Я, дрожа, поднял ружье. По лесу прокатилось эхо, синий дым растаял среди берез. На залитой кровью, побуревшей траве бился раненый заяц. Он кричал, как ребенок плачет. Мне стало жалко его. Я выстрелил еще раз. Он умолк.

Дома я сейчас же забыл о нем. Будто он никогда и не жил, будто не я отнял у него самое ценное — жизнь. И я спрашиваю себя: почему мне было больно, когда он кричал? Почему мне не было больно, что я для забавы убил его?

11 марта.

Федор кузнец, бывший рабочий с Пресни. Он в синем халате, в извозничьем картузе. Сосет с блюдечка чай.

Я говорю ему:

— Ты был в декабре на баррикадах?

— Я-то? Я в доме сидел.

— В каком доме?

— А в школе, в городской то есть.

— Зачем?

— В резерве был. Две бомбы держал.

— Значит, ты не стрелял?

— Как нет? Стрелял.

Так ты расскажи.

Он машет рукой.

— Да что... Артиллерия пришла. Стали в нас из пушек палить.

— А вы?

— Ну и мы... Из пушек мы, говорю, палили. Сами на заводе делали. Маленькие, вот с этот стол, а бьют хорошо. Человек пятнадцать мы из них положили... Ну, тут скоро шум большой вышел. Потолок бомбой пробило, человек восемь наших взорвало.

— А ты что?

— Я? Что ж я? Я главное в резерве был. В угле с бомбами находился ... А потом приказ вышел.

— Какой приказ?

— От комитета приказ: уходить. Ну, мы видим: дела хоть закуривай. Подождали малое время, ушли.

— Куда ж вы ушли?

— В нижний этаж ушли. Там ловчее стрелять было.

Он говорит неохотно. Я жду.

— Да, — продолжает он, помолчав, — была тут одна... со мной солидарная... вроде будто жена.

— Ну?

Ну, ничего ... Убили ее казаки.

За окном гаснет день.

13 марта.

Елена замужем. Она живет здесь, в Москве. Я ничего больше не знаю о ней. По утрам, в свободные дни, я брожу по бульвару, вокруг ее дома. Пушится иней, хрустит под ногами снег. Я слышу, как медленно бьют на башне часы. Уже 10 часов. Я сажусь на скамью, терпеливо считаю время. Я говорю себе: я не встретил ее вчера, я встречу ее сегодня.

Год назад я впервые увидел ее. Я весной был проездом в N. и утром ушел в парк, большой и тенистый. Над мокрой землей вставали крепкие дубы, стройные тополя. Было тихо, как в церкви. Даже птицы не пели. Только журчал ручей. Я смотрел в его струи. В брызгах сверкало солнце. Я слушал голос воды. Я поднял глаза. На другом берегу в зеленой сетке ветвей стояла женщина.

Она не замечала меня. Но я уже знал: она слышит то, что я слышу. Это была Елена.

14 марта.

Я у себя в комнате. Наверху, надо мной, тихо звенит фортепьяно. Шаги тонут в мягком ковре.

Я привык к нелегальной жизни. Привык к одиночеству. Я не хочу знать будущего. Я стараюсь забыть о прошедшем. У меня нет родины, нет имени, нет семьи. Я говорю себе:

Un grand sommeil noir
Tombe sur ma vie,
Dormez, tout espoir,
Dormez, tout envie.

Но ведь надежда не умирает. Надежда на что? На «звезду утреннюю»? Я знаю: если мы убили вчера, то убьем и сегодня, неизбежно убьем и завтра. «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод и сделалась кровь». Ну, а кровь водой не зальешь и огнем не выжжешь. С нею, — в могилу.

Je ne voit plus rien,
Je perds la memoire
Du mal et du bien,
O, la triste histoire!

Счастлив, кто верит в воскресение Христа, в воскрешение Лазаря. Счастлив также, кто верит в социализм, в грядущий рай на земле. Но мне смешны эти старые сказки, и 15 десятин разделенной земли меня не прельщают. Я сказал: я не хочу быть рабом. Неужели в этом моя свобода... И зачем мне она? Во имя чего я иду на убийство? Во имя террора, для революции? Во имя крови, для крови?..

Je suis un berceau,
Qu'une main balance
Au creux d'un caveau
Silence, silence...

17 марта.

Я не знаю, почему я иду в террор, но знаю, почему идут многие. Генрих убежден, что так нужно для победы социализма. У Федора убили жену. Эрна говорит, что ей стыдно жить. Ваня . . . Но пусть Ваня скажет сам за себя.

Накануне он возил меня целый день по Москве. Я назначил ему свидание у Сухаревки, в скверном трактире.

Он пришел в высоких сапогах и поддевке. У него теперь борода и волосы острижены в скобку. Он говорит:

— Послушай, думал ты когда-нибудь о Христе?

— О ком? — переспрашиваю я.

— О Христе? О Богочеловеке Христе? .. Думал ли ты, как веровать и как жить? Знаешь, у себя во дворе я часто читаю Евангелие и мне кажется есть только два, всего два пути. Один, — все позволено. Понимаешь ли: все. И тогда — Смердяков. Если, конечно, сметь, если на все решиться. Ведь если нет Бога и Христос человек, то нет и любви, значит нет ничего . . . И другой путь, — путь Христов . . . Слушай, ведь если любишь, много, по-настоящему любишь, то и убить тогда можно. Ведь можно? Я говорю:

— Убить всегда можно.

— Нет, не всегда. Нет, — убить тяжкий грех. Но вспомни: нет больше той любви, как если за други своя положить душу свою. Не жизнь, а душу. Пойми: нужно крестную муку принять, нужно из любви, для любви на все решиться. Но непременно, непременно из любви и для любви. Иначе, — опять Смердяков, то есть путь к Смердякову. Вот я живу. Для чего? Может быть, для смертного моего часа живу. Молось: Господи, дай мне смерть во имя любви. А об убийстве, ведь, не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь . . . И, ведь, знаю: мало во мне любви, тяжел мне мой крест.

— Не смейся, — говорит он через минуту, — зачем и над чем смеешься? Я Божьи слова говорю, а ты скажешь: бред. Ведь, ты скажешь, ты скажешь: бред? Я молчу.

— Помнишь, Иоанн в Откровении сказал: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее, пожелают умереть, но смерть убежит от них». Что же, скажи, страшнее, если смерть убежит от тебя, когда ты будешь звать и искать ее? А ты будешь искать, все мы будем искать. Как прольешь кровь? Как нарушишь закон? А проливаем и нарушаем. У тебя нет закона, кровь для тебя — вода. Но слушай же меня, слушай: будет день, вспомнишь эти слова. Будешь искать конца, не найдешь: смерть убежит от тебя. Верую во Христа, верую. Но я не с ним. Недостоин быть с ним, ибо в грязи и крови. Но Христос, в милосердии своем, будет со мною.

Я пристально смотрю на него. Я говорю:

Так не убий. Уйди из террора.

Он бледнеет:

— Как можешь ты это сказать? Как смеешь? Вот я иду убивать, и душа моя скорбит смертельно. Но я не могу не убить, ибо люблю. Если крест тяжел, — возьми его. Если грех велик, — прими его. А Господь пожалеет тебя и простит.

— И простит, — повторяет он шепотом.